

ЛОГИКА МИФОЛОГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ В ПОЗНАНИИ

Мартишина Наталья Ивановна

Сибирский государственный университет путей сообщения
(г. Новосибирск, Россия)

Аннотация

Целью статьи является систематизация существующих представлений о логико-гносеологических особенностях, характерных для мифологического мышления, и представление их в виде конкретных логических маркеров, позволяющих обнаруживать мифологическое мышление на различном содержательном материале, в том числе вне атрибутики традиционного мифа. Автор базируется на разработанной в рамках социальной эпистемологии концепции многообразия видов познания и сформированном в этой концепции представлении о конституировании каждого самостоятельного вида познания через набор специфических базовых постулатов, а также характерных логических схем обработки информации. Соответственно автор считает возможным выделить такие схемы, специфичные для мифологического мышления, в качестве оснований для обнаружения его присутствия при осмыслении различных, в том числе современных реалий. К логическим маркерам мифологического мышления отнесены: описание объектов, реально не обладающих человеческими характеристиками, как наделенных таковыми (не в качестве метафоры, а в буквальном значении); непосредственное отождествление (в отличие от сравнения, сопоставления и т.п.) объектов или процессов, не связанных какими бы то ни было физическими взаимодействиями; и создание эмоционально нагруженных языковых клише, задающих единственно возможный способ высказывания об объекте и детерминирующих таким образом его восприятие.

Ключевые слова: миф, мифологическое мышление, виды познания, мифологическое познание, логика мифа, современная мифология

THE LOGIC OF MYTHOLOGICAL THINKING IN KNOWLEDGE

Martishina Natalya Ivanovna

Siberian Transport University
(Novosibirsk, Russia)

Abstract

The article is devoted to the systematization of the existing ideas about the logical and epistemological features characteristic of mythological thinking. The author attempted to present them in the form of specific logical markers that allow us to detect mythological thinking on various content including outside the traditional attributes of myth. The article uses the ideas, developed within the framework of social epistemology, about the variety of types of cognition and the constitution of each independent type through a set of specific basic postulates, as well as characteristic logical schemes of information processing. Accordingly, the author the author qualifies as signs of the implicit presence of mythological thinking in understanding various, including modern realities: a) the anthropomorphic description (not as a metaphor, but literally) of objects that do not really have human characteristics; b) direct identification (as opposed to comparison, juxtaposition, etc.) of objects or processes that are not associated with any physical interactions; c) the creation of emotionally loaded linguistic clichés that set the only possible way to speak about an object and thus determine its perception.

Key words: myth, mythological thinking, types of cognition, mythological knowledge, logic of myth, modern mythology

Введение

Одним из ключевых условий адекватного понимания места мифа в современной культуре является формирование точного представления о сущности и границах мифологии. Хотя в научной литературе уже достаточно разработана концепция мифа как сложного когнитивного феномена, являющегося одним из инструментов познавательного освоения действительности, практика применения категории мифологического для описания явлений современной культуры систематически соскальзывает на отождествление мифа с ложным сознанием, вымыслом, искаженным отражением реальности. В силу этого определение некоторых идей общественного сознания как мифологических носит, по существу, оценочный, а не концептуальный характер, что не только деформирует представление о современном мифе, но и препятствует действительному пониманию гносеологических оснований и культурного смысла таких идей.

На наш взгляд, с позиций философии миф должен быть понят прежде всего как специфический способ осмысления мира, использующий определенные логические схемы и конституируемый этими схемами в большей степени, чем явно-мифическими содержательными компонентами. Выявление и предметный анализ таких схем позволяет обнаруживать присутствие мифа (в форме мифологического *мышления*) в сознании современного общества даже в отсутствие традиционной мифологической атрибутики. Формирование подхода к построению системы логико-гносеологических маркеров мифологического мышления и является основной задачей данной работы.

Методы

Исследование выполнено на основе концепции многообразия видов познания, разработанной в современной философской теории познания. В рамках этого методологического подхода наряду с разграничением обыденного и научного познания рассматриваются самостоятельные способы познания, складывающиеся внутри религии, художественного творчества, сложных видов специализированной практической деятельности. Основанием для спецификации каждого вида познания являются его базовые постулаты, задающие ракурс рассмотрения мира, а также характерный набор и иерархия средств и способов получения, обработки и сохранения информации. Например, ключевым постулатом для религии является разделение реальности на сферы естественного и сверхъестественного, а для науки – натурализм и натуралистический детерминизм; в логике художественного осмысления объектов в качестве одного из основных способов движения мысли используется аналогия, а в науке это периферийная схема рассуждения, и т.д. Виды познания сосуществуют и в познавательной деятельности человека, и в совокупном познавательном процессе общества, создавая возможность как взаимного дополнения в осмыслении различных аспектов одних и тех же реалий, так и переключения с одной познавательной стратегии на другую в зависимости от сферы приложения. Соответственно проявление того или иного вида познания в конкретной познавательной ситуации фиксируется через обнаружение активации характерных для него мировоззренческих установок и / или логических схем. Так, о религиозном познании в широком смысле в рамках данного подхода оказывается возможным говорить во всех случаях, когда ведущим механизмом обработки информации

становится вера – внелогическое принятие некоторых положений в качестве не подвергаемых сомнению истин; такое познание может направляться не на собственно-религиозные объекты, а, например, на ключевые ценности человеческого бытия (и не случайно в этих случаях мы говорим, что они для человека *святы*). Возможность установления логико-гносеологических атрибутов и их конкретный набор для каждого из видов познания является в настоящее время в данном направлении исследований предметом активного обсуждения.

Литературный обзор

В рамках теории познания отправным для нашего исследования является концептуальный подход социальной эпистемологии [15], в котором признаются и предметно изучаются разнообразные формы существования знания, причем изначально предполагается, что «у нас нет достаточных оснований для связывания понятия знания с каким-либо его отдельным историческим типом; у знания нет и какой-то одной структурно или содержательно адекватной формы; идентификация знания как знания не должна непременно осуществляться на основе некоторой иерархии, лишаящей определенные формы сознания всякого когнитивного содержания» [4, с. 11–12]. С другой стороны, в контексте изучения самой мифологии среди огромного количества исторических, культурологических, филологических, философских и других работ, рассматривающих миф с самых разных позиций, за основу берется направление, в котором акцентируются когнитивные функции и характеристики мифа, его значение как *способа понимания* мира (в отличие от исследовательских программ, рассматривающих в качестве первостепенных иные аспекты бытия мифа в культуре – например, практическую регуляцию деятельности, как у Б. Малиновского). Этот подход сформирован работами К. Леви-Стросса, показавшего, что «логика мифологического мышления кажется столь же взыскательной, как и логика, на которой основывается позитивное мышление» [7, с. 164]; Э. Кассирера, считавшего условием адекватного понимания мифа рассмотрение его внутренней когнитивной структуры и обнаружение присутствия этой структуры в качестве несущей конструкции в ряде современных ментальных форм, демонстрирующее, по его мнению, *необходимость* мифа в общей феноменологии духа [6]; К. Хюбнера, исследовавшего рациональность мифа и утверждавшего его право на истину [17]. В отечественной литературе наиболее фундаментальными классическими работами, в которых миф рассматривался в первую очередь с точки зрения его познавательного значения и логико-гносеологических параметров, представляются труды Я.М. Голосовкера [3] и В.М. Пивоева [11] (при всей значимости произведений А.Ф. Лосева, Е.М. Мелетинского, Ф.Х. Кессиди и многих других авторов, видевших миф в несколько иных ракурсах).

Представляется очень важным и свидетельствует, на мой взгляд, о глубине подхода к рассмотрению мифа поддержание в рамках ежегодной конференции «Миф в истории, политике, культуре» в качестве постоянной составляющей научных дискуссий тематики исследования мифа как познавательного феномена – присутствие в составе конференции таких секций, как «Миф и проблемы познания», «Миф и логос», инициация оргкомитетом разработок в данном направлении, в том числе через экспликацию тематики данных секций (например, в сборнике 2020 г.: «Миф и проблемы познания. Возможности науки и её право на истинность. Миф в контексте объективности научного познания. Миф и основы научной методологии. Миф в процессе социального познания. Истина мифа и миф истины»). Содержательный анализ свойств мифологического мышления представлен в материалах данной

конференции, в частности, в публикациях А.С. Глушака [2], О.В. Найдыш [9], С.С. Сидоркова [11], А.В. Ставицкого [12], В.К. Шрейбера [17] и многих других авторов. Эффективным основанием для объединения исследований мифа как гносеологического феномена на единой концептуальной платформе представляется предложенное А.В. Ставицким определение мифа как чувственно воспринимаемой и в образно-символической форме отраженной сознанием реальности [13, с. 446].

Результаты и обсуждение

Характеристики мифологического мышления, достаточно хорошо изученные и описанные в литературе, тем не менее не обязательно имеют операциональное значение, т.е. позволяют распознавать миф в различных обликах, в том числе вне традиционной мифологической атрибутики, поскольку носят достаточно общий характер. Например, миф, безусловно, является символическим отображением реальности, но можем ли мы утверждать, что любое символическое мышление мифологично? Когда с аналогичной проблемой столкнулась философия науки – оказалось, что достаточно полный, хорошо отработанный и вполне обоснованный список критериев научности не всегда позволяет на практике проводить демаркацию между научными и лишь кажущимися таковыми концепциями – поиски двинулись в направлении разработки на основе общих критериев, возможно, менее содержательно нагруженных, но более функциональных идентификаторов (первым из таковых был, вероятно, критерий фальсифицируемости). Представляется возможным пойти по тому же пути и посмотреть, какие из характеристик мифологического мышления могут получить операциональную интерпретацию в качестве его внешних логических маркеров.

К базовым постулатам мифологического мышления могут быть отнесены, на наш взгляд, две ключевых идеи, часто используемые для самого определения мифа. Это, во-первых, антропоморфизм, включающий представление о мире как «полном богов и духов», населенном на каждом уровне бытия персонажами, сравнимыми по способам действий с человеком и определяющими ход событий в глобальном (смена времен года, зависящая от местопребывания богини плодородия) или локальном (опасность заблудиться в лесу, связанная с проделками лешего) масштабе (эту характеристику мифологического мышления считает определяющей, в частности, Дж. Фрэйзер [15, с. 14]); и, во-вторых, связанное с ним, но самостоятельное представление о всеобщей обусловленности происходящих событий, которое Э. Кассирер оценил как «гипертрофию каузального инстинкта» – убеждение в том, что за каждым событием стоит конкретное действие, которое к нему привело, и, в свою очередь, действие, совершенное определенным образом, с необходимостью ведет к строго определенным последствиям.

Вторая идея является, по существу, идеей детерминизма – специфической по воплощению, но все же не являющейся прерогативой мифологического мышления. Дж. Фрэйзер, например, специально указывает при ее обсуждении: «Фундаментальное допущение магии тождественно, таким образом, воззрению современной науки» [15, с. 70]. Использование ее самой по себе в качестве маркера, таким образом, проблематично. Первая же идея в непосредственном воплощении не только составляет основу мифологического мышления, но и характерна именно и только для него; в других видах познания (например, в искусстве) прямое олицетворение и персонификация объективных явлений если и используется, то, как правило, не в качестве реального описания действительности, а как художественный прием. Это дает, на наш взгляд, возможность обозначить в качестве первого логического маркера

мифологического мышления *наделение человеческими характеристиками объектов, реально таковыми не обладающих*, и идентифицировать в качестве его прорывов обширный ряд гносеологических явлений, от приписывания особой мудрости или дара предчувствия домашним животным до рассуждений об ауре Земли, нарушаемой дурными поступками. В сочетании с этим логическим признаком идентифицирующее значение приобретает и несколько иной вариант реализации данной схемы мышления: поиски в любых негативных ситуациях злых сил, целенаправленно их создавших. При концептуальном применении категории мифологического такие рассуждения мифологичны не в том смысле, что они ошибочны, а в том случае, если эти силы представляются непременно персонифицированными и к тому же одними и теми же во всех однотипных ситуациях.

Способы движения мысли, обычно выделяемые в качестве характерных приемов мифологического мышления, образуют внутренне взаимосвязанную систему, что в теоретической рефлексии открывает возможность точно определить в качестве маркеров некоторые внешние, наблюдаемые моменты, возникающие на пересечении глубинных и сложных когнитивных процессов. Так, традиционно указывается на ассоциативный характер мифологического мышления, причем с этим параметром связывается, с одной стороны, значимость в нем аналогий [17, с. 218], а с другой стороны – символизм мифа, сопряженный, в свою очередь с доступностью обобщения на уровне мифологического мышления только в наглядно-образной форме. Все перечисленные свойства являются достаточно общими, но обладают в рамках мифологического мышления выраженным своеобразием:

- существуют наиболее типичные именно для мифа ассоциации, среди которых главными являются ассоциация подобия (связываются и рассматриваются как «родственные», имеющие влияние друг на друга сходные внешне, в том числе по отдельным признакам, объекты) и ассоциация контакта (связываются объекты, ранее соприкасавшиеся и /или принадлежавшие к одному целому, и опять-таки предполагается возможность их взаимного влияния даже в физически разделенном состоянии);

- аналогия в мифологическом мышлении представляет собой не классическое проведение параллели между двумя полюсами, а непосредственное отождествление одного объекта с другим, включая возможность их взаимного превращения («оборотничество» мифа);

- роль символа в мифе выполняет, как правило, реальный, наблюдаемый объект или процесс, представляющий другой, также реальный объект или процесс и гипотетически являющийся способом обнаружения сущности последнего. Иными словами, мифологический символизм основан не на субстанциальном единении вещи и идеи (как последующие формы символизма), а на сопряжении двух пластов предметной реальности.

Если принять во внимание взаимосвязь между указанными характеристиками мифа, то этот сложный комплекс свойств мифологического мышления можно привести, на мой взгляд, к следующему внешнему выражению. Еще одним логическим маркером мифологического мышления является *непосредственное отождествление* (в отличие от сопоставления, сохраняющего автономность) *объектов или процессов, не находящихся в связи, имеющей какую бы то ни было физическую природу*. В классическом мифе это прямое переключение от природных процессов к вызывающим их событиям в сакральном пространстве-времени (капли

крови поверженного титана падают на землю, и Гея зачинает Эриний), а в современной культуре мифологическое мышление в этой своей ипостаси присутствует если не во всех, то в большинстве ритуалов, которые призваны обеспечивать реальное действие через его осуществление на символическом уровне. Обширность круга таких ритуалов – личных, групповых, общественных, вплоть до поддерживаемых официально – позволяет оценить интегрированность мифологического мышления в саму ткань современной культуры.

Также имеют внешне выраженную точку пересечения такие признанные характеристики мифологического мышления, как:

- организованность бинарными оппозициями, в рамках которых объект может либо принадлежать к одному полюсу и обладать в этом случае ограниченным комплексом однопорядковых свойств, либо служить пересечением противоположных характеристик, например, сакрального и запретного (на нечувствительность мифа к логическому противоречию, неиспользование в нем закона исключенного третьего и аксиом силлогизма указывает, в частности, Я.Э. Голосовкер [3, с. 47]);

- отождествление категоризации объекта с его оценкой, ценностно-окрашенный и функциональный способ его обозначения, в связи с которым В.М. Пивоев говорит о логике мифа как «аксиологике» [10, с. 70]; и в более общем выражении -

- интенция мифа к магии имен, определявшая в архаичных культурах особый статус и регламентированные техники процедур именованья, переименования, наследования имени и т. д., а в современных культурах являющаяся, по мнению Э. Кассирера, основным техническим приемом конструирования новых мифов, в которых «самые обычные слова оказываются насыщенными чувством, а то и неистовыми эмоциями» [5, с. 158].

Указанные свойства мифологического мышления также образуют внутренне взаимосвязанный комплекс и находят свое выражение, с одной стороны, в стереотипизации образов объектов – каждый мифологический персонаж рассматривается как носитель строго определенного набора качеств, которые сопровождают его в виде постоянного рефрена (Геркулес в своих приключениях всегда сильный, а Одиссей хитроумный; о том, насколько сообразительным был первый и могучим второй, миф сообщает нам эпизодически и довольно неожиданно). С другой стороны, они проявляются в специфической языковой практике закладывания в способ обозначения предметов информации об их возможной роли в жизни человека, их позитивном или негативном значении, вообще их оценки. На перекрестке данных тенденций мы видим в качестве еще одного из проявлений мифологического мышления, могущих иметь значение маркера, *создание эмоционально нагруженных языковых клише*, которые устойчиво воспроизводятся при каждом упоминании об объекте и срастаются, таким образом, с самой возможностью *говорения* о нем. В этом смысле мифологичны едва ли не целиком некоторые жанры массовой культуры (например, анекдоты, в которых действуют глупые блондинки и строго следующие алгоритмам программисты – образы, столь же стандартизированные и воспроизводимые в каждом новом сюжете в неизменном виде, как и представления о персонажах классических мифов). С другой стороны, мифологическое мышление оказывается эффективным инструментом таких социальных практик, как реклама и пропаганда, успех которых часто зависит от точно найденного обозначения, закрепляемого затем в социальной риторике и повторяемого настолько часто, чтобы для формулировки альтернативной точки зрения ни у кого просто не нашлось подходящих слов. Иными словами, основанные на нанотехнологиях питательные

кремы и иностранные агенты мифичны опять-таки не в том смысле, что они не существуют в реальности, а в том плане, что способ мышления о них строго предзадан на уровне языка, включая эмоциональную нагруженность (о более «мирном» использовании данной языковой практики см. также [8]).

Заключение

Обыденное представление о мифе как фантастическом повествовании о богах и героях отправляет мифологическое мышление в область глубокой архаики, прорывы которой в повседневность могут быть объяснены только редкой концентрацией невежества в отдельных анклавах общественного сознания и оправданы разве что неизбежностью тяги к эскапизму в условиях усложняющейся социальной жизни. Более углубленное рассмотрение мифа как логико-гносеологической системы, в рамках которой информация обрабатывается определенным образом, не только позволяет обнаружить широчайшую интегрированность мифологии в жизнь современного общества и констатировать, что «мифы охватывают все сферы жизни: правосудие, мораль, эстетику, дипломатию, домашнее хозяйство, литературу, зрелища» [1, с. 118]; на его основе становится очевидной *закономерность* присутствия мифологического мышления в познании современного человека и представлениях современного общества. Как написал Э. Кассирер, атавизм не может быть правилом, он – исключение, следовательно, миф – не атавизм [5, с. 154].

Устойчивое воспроизводство различных видов познания в индивидуальном и общественном сознании как взаимно дополняющих способов освоения реальности объясняется тем обстоятельством, что каждый из них имеет свои границы и, с другой стороны, свои гносеологические возможности, позволяя осмыслить какие-то аспекты бытия, не высвеченные другими способами познания. Рискнем заключить, что гносеологические достоинства, присущие мифологическому мышлению, отнюдь не сводятся к заполнению вымышленными связями и квазиобъектами пробелов в настоящем понимании мира. Миф задает целостный способ видения реальности, в котором находят свое единство репрезентативное и эмоциональное восприятие, отражение и конструирование реальности, принятие закономерности происходящего и активация действия. Утрата такой целостности и определенности становится проблемой для модернистских модификаций познания, порождая безотчетную, но непроходящую неудовлетворенность их результатами. Именно поэтому мифологическое мышление остается востребованным в освоении современным человеком своего бытия в мире и успешно распространяется на все новые реалии.

Литература

1. Барт Р. Из книги «Мифологии» // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. С. 46–130.
2. Глушак А.С. Изучение мифа: достижения, проблемы, перспективы // Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник материалов II Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2018 года, г. Севастополь) / Под редакцией О.А. Габриеляна, А.В. Ставицкого, В.В. Хапаева, С.В. Юрченко. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе, 2019. С. 153–157.
3. Голосовкер Я.Э. Логика мифа. М.: Наука, 1987. 218 с.
4. Касавин И.Т. Нормы в познании и познание норм // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 54. № 4. С. 8–19.

5. Кассирер Э. Техника политических мифов // Октябрь. 1993. № 7. С. 153–164.
6. Кассирер Э. Философия символических форм: В 3 тт. Т. 2. Мифологическое мышление. СПб.: Петроглиф, 2017. 288 с.
7. Леви-Стросс К. Структура мифов // Вопросы философии. 1970. № 7. С. 152–164.
8. Мартишина Н.И. Мифологический компонент в конструировании образа города и городской идентичности // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики (ПРАЭНМА. Journal of Visual Semiotics). 2020. Вып. 3 (25). С. 168–178.
9. Найдыш О.В. Смысловая реальность и мифотворчество // Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник материалов III Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2019 года, г. Севастополь) / Под редакцией О.А. Габриеляна, А.В. Ставицкого, В.В. Хапаева, С.В. Юрченко. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, 2019. С. 158–161.
10. Пивоев В.М. Мифологическое сознание как способ освоения мира. Петрозаводск: Карелия, 1991. 111 с.
11. Сидорков С.С. Роль «означающего» в мифотворчестве // Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник материалов II Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2018 года, г. Севастополь) / Под редакцией О.А. Габриеляна, А.В. Ставицкого, В.В. Хапаева, С.В. Юрченко. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе, 2019. С. 164–165.
12. Ставицкий А. В. Миф и время: гносеологический аспект // Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник материалов III Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2019 года, г. Севастополь) / Под редакцией О.А. Габриеляна, А.В. Ставицкого, В.В. Хапаева, С.В. Юрченко. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, 2019. С. 79–85.
13. Ставицкий А.В. Онтология современного мифа. Севастополь: Рибэст, 2012. 543 с.
14. Социальная эпистемология: идеи, методы, программы / Под ред. И.Т. Касавина. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010. 712 с.
15. Фрэзер Дж. Золотая ветвь. М.: Политиздат, 1983. 703 с.
16. Хьюбнер К. Истина мифа. М.: Республика, 1996. 448 с.
17. Шрейбер В.К. До смешного короткий эскиз особенностей мифологического мировоззрения // Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник материалов III Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2019 года, г. Севастополь) / Под редакцией О.А. Габриеляна, А.В. Ставицкого, В.В. Хапаева, С.В. Юрченко. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе, 2019. С. 216–220.

References

1. Bart R. (1989). Iz knigi «Mifologii» [From the book "Mythology"]. In: *Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika [Selected works. Semiotics. Poetics]*. Moscow, Progress Publ., pp. 46–130 (In Russian).
2. Glushak A.S. (2019). Izuchenie mifa: dostizheniya, problemy, perspektivy [Studying the myth: achievements, problems, prospects]. In: *Mif v istorii, politike, kul'ture*

[*Myth in history, politics, culture*]: Collection of materials of the II International scientific interdisciplinary conference (June 2018, Sevastopol). Edited by O. A. Gabrielyan, A.V. Stavitsky, V.V. Khapaev, S.V. Yurchenko. Sevastopol, Branch of the Moscow State University named after M.V. Lomonosov in Sevastopol Publ., pp. 153–157 (In Russian).

3. Golosovker Ya.E. (1987). Logika mifa [*The logic of the myth*]. Moscow, Nauka Publ., 218 p. (In Russian).

4. Kasavin I.T. (2017). Normy v poznanii i poznanie norm [Norms in cognition and cognition of norms]. In: *Ehpistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology & Philosophy of science], vol. 54, no. 4, pp. 8–19. DOI: 10.5840/eps201754461 (In Russian).

5. Cassirer E. (1993). Tekhnika politicheskikh mifov [Technique of political myths]. In: *Oktyabr'* [October], no. 7, pp. 153–164. (In Russian).

6. Cassirer E. (2017). Filosofiya simvolicheskikh form [Philosophy of symbolic forms], vol. 2: *Mifologicheskoe myshlenie* [Mythological thinking]. Saint Petersburg, Petroglyph Publ., 288 p. (In Russian).

7. Levi-Strauss K. (1970). Struktura mifov [The structure of myths] In: *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], no. 7, pp. 152–164. (In Russian).

8. Martishina N.I. (2020). Mifologicheskij komponent v konstruirovanii obraza goroda i gorodskoj identichnosti [Mythological component in the construction of the image of the city and urban identity]. In: *ИПАЭХМА. Problems of Visual Semiotics* [ИПАЭХМА. Journal of Visual Semiotics], vol. 3 (25), pp. 168–178. (In Russian).

9. Naydysh O.V. (2019) Smyslovaya real'nost' i mifotvorchestvo [Semantic reality and myth-making]. In: *Mif v istorii, politike, kul'ture* [Myth in history, politics, culture]: Collection of materials of the III International scientific interdisciplinary conference (June 2019, Sevastopol). Edited by O. A. Gabrielyan, A. V. Stavitsky, V. V. Khapaev, S. V. Yurchenko. Sevastopol: Branch of the Moscow State University named after M.V. Lomonosov in Sevastopol Publ., pp. 158–161. (In Russian).

10. Pivoev V.M. (1991). Mifologicheskoe soznanie kak sposob osvoeniya mira [Mythological consciousness as a way of mastering of the world]. Petrozavodsk, Karelia Publ., 111 p. (In Russian).

11. Sidorkov S.S. (2019). Rol' «oznachayushchego» v mifotvorchestve [The role of the "signifier" in myth-making] In: *Mif v istorii, politike, kul'ture* [Myth in history, politics, culture]: Collection of materials of the II International scientific interdisciplinary conference (June 2018, Sevastopol). Edited by O.A. Gabrielyan, A.V. Stavitsky, V.V. Khapaev, S.V. Yurchenko. Sevastopol, Branch of the Moscow State University named after M.V. Lomonosov in Sevastopol Publ., pp. 164–165. (In Russian).

12. Stavitskiy A.V. (2019). Mif i vremya: gnoseologicheskij aspekt [Myth and time: epistemological aspect]. In: *Mif v istorii, politike, kul'ture* [Myth in history, politics, culture]: Collection of materials of the III International scientific interdisciplinary conference (June 2019, Sevastopol). Edited by O.A. Gabrielyan, A.V. Stavitsky, V.V. Khapaev, S.V. Yurchenko. Sevastopol: Branch of the Moscow State University named after M.V. Lomonosov in Sevastopol Publ., pp. 79-85. (In Russian).

13. Stavitskiy A.V. (2012). Ontologiya sovremennogo mifa [Ontology of modern myth]. Sevastopol, Ribest Publ., 543 p. (In Russian).

14. Social'naya epistemologiya: idei, metody, programmy [Social epistemology: ideas, methods, programs] (2010). Edited by I.T. Kasavin. Moscow, Canon + ROOI "Reabilitaciya" Publ., 712 p. (In Russian).

15. Frazer J.J. (1983). Zolotaya vetv' [Golden bough]. Moscow, Politizdat Publ., 703 p. (In Russian).

16. Hübner K. (1996). *Istina mifa* [Truth of the myth]. Moscow: Republic Publ., 448 p. (In Russian).

17. Schreiber V.K. (2019). Do smeshnogo korotkij eskiz osobennostej mifologicheskogo mirovozzreniya [A ridiculously short sketch of the features of the mythological worldview] // Myth in history, politics, culture. In: *Mif v istorii, politike, kul'ture* [Myth in History, Politics, Culture]: Collection of materials of the III International scientific interdisciplinary conference (June 2019, Sevastopol). Edited by O.A. Gabrielyan, A.V. Stavitsky, V.V. Khapaev, S.V. Yurchenko. Sevastopol: Branch of the Moscow State University named after M.V. Lomonosov in Sevastopol Publ., pp. 216-220. (In Russian).

Сведения об авторе:

Мартишина Наталья Ивановна

заведующая кафедрой «Философия и культурология» ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет путей сообщения», доктор философских наук, профессор (г. Новосибирск, Россия).

E-mail: nmartishina@yandex.ru

Bionotes:

Martishina Natalya Ivanovna

Chief of the Department of Philosophy and Cultural Studies, Siberian Transport University, Doctor of Philosophy, Professor (Novosibirsk, Russia).

Для цитирования:

Мартишина Н.И. Логика мифологического мышления в познании // Мифологос. Серия «Человек мифический: антропология, психология, когнитивные исследования», № 2, 2022. С. 33–42.

For citation:

Martishina N.I. The Logic of Mythological Thinking in Knowledge // Mythologos. The Mythic Man: Anthropology, Psychology, Cognitive Studies Series, no. 2, 2022. С. 33–42.